

Жизнь, занесенная песком

Он никогда еще не видел такого пустынного побережья. Вообще нечасто бывал на море, поскольку не переносил жару: жара высасывала из него энергию, оставляя пустую оболочку, панцирь, из которого птицы выклевали тельце краба. Каждый год жена с дочками улетала в Италию, или Грецию, или на Кипр — в края, где можно купаться в соленой морской воде и есть фрукты, а он довозил их на своем джипе до аэропорта и с облегчением оставался в привычной обстановке: охлажденный кондиционером салон машины, полумрак баров, пахнущее пластиком и кожей помещение офиса.

Полоса песка тянется вдаль и не заканчивается. Сначала ландшафт показался ему монотонным и безжизненным, но постепенно он адаптировался и начал замечать отдельные черточки — так глаз непривыкшего к кубизму зрителя не сразу, но все-таки начинает постепенно различать контуры предметов и даже сюжет. К линии горизонта приклеены днищами несколько барж, и между ними — трехмачтовое судно, огромная яхта, кажущаяся с расстояния в пятнадцать километров деревянной моделью. Такая стоит возле камина в крестьянском доме, куда он заселился вчера вечером, неприятно пораженный небольшой высотой потолков, сильно уступавших даже питерским хрущевкам. Он едва мог распрямиться во весь свой без пяти сантиметров

двухметровый рост. И хотя комнат в доме было много — они шли анфиладами, описывая прямоугольник вокруг небольшого дворика, — он весь вечер просидел на террасе, время от времени заваривая во френч-прессе найденный в одном из шкафчиков кофе и открывая очередную банку пива, большую упаковку которого он обнаружил в местном супермаркете.

В доме много старинной посуды, видно, что ею пользовались еще предки нынешних хозяев. Но запаха старости нет: то ли его выдувает ветром с моря, то ли он исчез, смешавшись с запахами прежних постояльцев, снимающих либо, как он, только первый этаж, либо, может быть, весь дом. Сейчас над ним разместилась семья: мужчина его возраста, сорока с хорошей горкой, его половозрелая дочка с приятелем (или мужем) и какая-то женщина лет тридцати. Логично предположить, что жена... хотя кто его знает. Молодые поставили палатку во дворе — от отсутствия ли места или по какой-нибудь романтической причине — и весь вечер без конца переключали каналы радиоприемника. Когда стемнело, он вернулся с террасы в дом; прежде чем лечь, открыл окно, и в комнату тут же ворвалась скомканная речь, в которой он по причине незнания датского не мог вычленить ни слова. Это была длинная лента, какую фокусник вытаскивает и вытаскивает из шляпы, они старательно избегали музыкальных каналов, включая только информационные передачи, даже когда перешли к сексу, перекрывая шумом возбужденного дыхания голоса людей, разговаривавших в приемнике.

Какофония звуков мешала ему уснуть, но он решил оставить окно открытым. Духота при его комплекции

непереносима и опасна. Иногда он просыпается оттого, что буквально не может вдохнуть в легкие воздух. За последние годы таких случаев было уже несколько, и он ужасно боится, что очередной приступ окажется роковым. На старинном прикроватном столике с кривыми ножками стояли свечи и серебряный узкий, кувшинообразный чайник, непостижимым образом отражавший всю комнату и его самого — с огромным животом, который он отрастил в последние годы на почти ежедневных бизнес-встречах, где выпивали и закусывали. Прилично выпивали и плотно закусывали. Ему приходит мысль, что он недостаточно следил за собой, и она перестала чувствовать физическое влечение к нему. Такая мысль проскакивала у него и раньше, но он потакал своему излишнему весу, подспудно чувствуя, что человек, решающий проблемы, должен выглядеть внушительно. По крайней мере, в России. Мальчикам тут не доверяют. С мыслью о том, что он не мальчик, он наконец упал на бок поверх одеяла и погрузился в глубокий, беспокойный пьяный сон.

Похмелья, как ни странно, нет. Где-то впереди, неразличимый взглядом, — мыс Гренен, загадочное место встречи Северного и Балтийского морей. Он всматривается в далекую точку, в которую, повинувшись законам перспективы, сужается песчаная полоса, и вдруг чувствует под ногой что-то мыльноскользкое, заставляющее содрогнуться и отскочить в сторону. Он наступил на большую медузу-глазунью: прозрачная непрожаренная слизь по краям блестит на солнце, а в середине темнеет почти коричневый желток. Медленно, теперь уже с опаской пробираясь

дальше, он подбирает несколько светло-бежевых, отшлифованных водой камней, опускает в карман брюк, думая, что вернется после обеда в супермаркет, купит краски или, на худой конец, фломастеры. Ему хочется расписать пару камней бело-охряными тонами, как будто камни — это медузы. Соединить непохожее. Сейчас, когда его жизнь начала рушиться, ему хочется одного — соединять.

Налетает сильный порыв ветра, дующего здесь непрерывно, и тысячи кусачих песчинок остервенело впиваются в мокрые лодыжки. В нескольких метрах от воды, куда пока не достает лимонадная пена, глубоко отпечатался след собаки. Нужно быть крупным псом с тяжелыми мускулами, чтобы настолько провалиться в плотный мокрый песок. Он представляет себе, что такой пес запросто мог бы его разорвать здесь, на безлюдном пляже, и это было бы даже хорошо. Лучше быть разорванным собакой, чем изнутри — растущей опухолью горечи и тоски.

Телефон непрерывно подает признаки жизни — пропущенные звонки, письма, сообщения в мессенджере. Он решил не выключать его: от нее может прийти сообщение. Может, она передумает или просто что-то чудесным образом изменится: Земля начнет вращаться в противоположную сторону и время потечет вспять. Его работа — иметь дело с форс-мажорными ситуациями. Он никогда и ничему не удивляется. Не удивился и ее звонку вчера утром, сразу догадавшись по голосу, что она ему скажет. Но одно дело — догадаться, другое — поверить и принять.

Однако от нее нет ничего. Все мейлы и сообщения — по работе. У арбитражных управляющих, ведущих

параллельно несколько дел, не бывает свободного от работы времени. Он непрерывно помнит про самое безнадежное из них — дольщики, оставшиеся без денег и квартир. Далеко отсюда, но тоже на море, в Архангельске. Сегодня он должен был лететь туда на очередную встречу. Но это было еще до звонка... После звонка он поехал в аэропорт и вылетел в Копенгаген, где на центральном вокзале сел в поезд, идущий на север.

Собственно, она не сказала ему ничего нового, чего-то такого, чего он не знал бы сам. За семь лет, проведенных вместе, они стали... В общем, она не жалеет, что прожила с ним эти годы, в их совместной жизни было много хорошего, есть что вспомнить. Она всегда будет думать об этом времени с теплом, но больше не видит смысла переплавлять прошлое в настоящее. Настоящее вдруг куда-то исчезло. Есть двое детей, но это будущее, а она устала жить прошлым и будущим, перепрыгивая через настоящее как через зияющую щель между вагоном и бетоном перрона.

Он доходит до россыпи песчаных холмов, неспешно взбирается вверх, ноги проваливаются по щиколотки в теплый песок; поначалу это очень приятное ощущение, но ближе к вершине холма песок становится обжигающим, ступням больно, а ботинки и носки он оставил внизу, у подножия. Одежда у него не самая подходящая для прогулок по морю, ее скроили и сшили для перемещения по офисам, коридорам, для того, чтобы ездить в лифтах, пить эспрессо в кафе. Мысль о том, что нужно переодеться, не пришла ему в голову; он вообще потерял ее на какое-то время, имеется в виду голову, ему хотелось одного — ослабить удавку, мешающую дышать. Он не мог больше находиться

в помещении. Спустился на улицу, не переставая набирать номер жены. Невыносимо было думать, что он ничего не успел сказать ей в ответ. Долго молчал, подыскивая нужный аргумент, довод, с которым трудно будет поспорить, и в этот момент понял, что наступила какая-то другая тишина, сделанная из другого материала. Она положила трубку. И больше не брала ее. Он набирал лихорадочно, снова и снова, ему казалось, что еще можно объясниться, все поправить, ведь это, в конце концов, его профессия — справляться с последствиями катастроф. Ему это нравилось, он любил ощущение опасности, ежедневные поездки, беспрестанно находящиеся в движении муравейники аэропортов, ему нравилось ходить на встречи в сопровождении полицейских, носивших у бедра боевое оружие, нравилось управлять паникой, отводить ее в боковое русло, находить решения там, где никто не пробовал их искать. Но то была паника другого рода. Чужая. А сейчас его охватила своя, внутренняя, против которой он забыл сделать прививку, хотя собирался, предчувствуя, что момент может застать его врасплох. И теперь в каком бы направлении он мысленно ни бросался, всюду висела табличка «Выхода нет».

Он продолжал набирать ее номер уже по инерции, меряя шагами Владимирский проспект и выкуривая одну сигарету за другой, пока не закончилась пачка. Это вывело его из оцепенения. Он понял, что так не придет ни к какому решению. Надо было побыть наедине с самим собой. Здесь все мешало: слишком шумно проносились мимо машины, слишком громко гремела реклама на другой стороне проспекта, слишком навязчиво сновала туда-сюда официантка на открытой

террасе ресторана, соседствующего с его офисом. Он позвонил Марте, которая была его секретарем, бухгалтером и время от времени курьером, и попросил купить билеты до Скагена. Мысль пришла неожиданно, через цепочку ассоциаций. На годовщину знакомства она подарила ему часы «Скаген», которые и сейчас были у него на левом запястье. Он еще сказал тогда, что это плохая примета. Часы дарят к расставанию. Она назвала его суеверным, и он поверил ей, внутренне согласился. Он действительно был суеверным, это было связано с работой. Со временем эта черта проявляется в нем все больше.

Он посмотрел в интернете, где находится это место, и с тех пор временами у него возникало неоформленное, рыхлое желание попасть туда, в городок неподалеку от мыса Гренен, где встречаются с непонятной человеческому сознанию целью два довольно холодных моря. И вот в одно мгновение желание приняло законченную форму, и он поехал. Поезд не дошел до Орхуса, где у него была пересадка, по причине опоздания: в Оденсе сменный машинист сел в локомотив почти на три четверти часа позже положенного, из-за чего потом стояли на всех полустанках и в итоге опаздывали настолько, что решили бросить эту затею совсем и пересадили пассажиров в автобус, идущий по маршруту поезда. В Ольборг он приехал на автобусе, совершенно не чувствуя раздражения. В первый раз за много лет у него не было никаких планов. Он никуда не опаздывал, потому что никто не ждал его там, куда он ехал. Даже хозяйка дома не ждала, нужно было просто забрать ключи в ящичке с кодовым замком. В Ольборге он пересел на региональный поезд, с него

еще на один, привезший его туда, где рельсы заканчивались и начинался коктейль из морей. По дороге он пил вино, купленное в дьюти-фри копенгагенского аэропорта. Он взял две бутылки мальбека вместо обезболивающего, на тот случай, если подступит к горлу, и мальбек пригодился, хоть и закончился в Ольборге; легкая анестезия действовала потом весь вечер, поддерживаемая местным пивом, но за ночь прошла совершенно, и острая боль заглушается теперь разве что сильным ветром и расстоянием.

С вершины холма он смотрит на море. Слева оно темно-синее и салатно-зеленое, справа — все в серебряной чешуе до самого горизонта. Когда глаза привыкают к блеску чешуи, он различает на берегу фигурку человека и — меньшего размера — фигурку собаки. Наверное, следы этого пса он и видел на песке четверть часа назад. Он думает, что надо, наверное, завести собаку. Хотя с собакой нужно гулять, а он практически не бывает дома. Но гулять могут девочки. Он не допускает мысли, что его дочурки могут достаться ей. Этот вариант даже не рассматривается. Он наймет гувернантку, которая будет присматривать и за девочками, и за собакой. По крайней мере, одно решение он принял. Надо будет только выбрать подходящую породу, чтобы собака любила детей и за ней было не так много ухода. А то ему приходилось слышать, что некоторые породы — полуинвалиды чуть ли не с рождения. Рука уже тянется к трубке позвонить Марте и решить вопрос с поисками подходящего варианта, но потом он решает, что сначала посоветуется с дочками. Это будет дополнительный магнит, который позволит ему оторвать их от матери.

Он спускается вниз. В ложбине между холмами не видно ничего, кроме неба. Он задирает голову. Небо темно-голубое и очень низкое, как потолки в доме, где он поселился. Он хотел дойти до самого мыса, до края, до того места, где уже нет дороги дальше. Выбравшись опять на берег, он видит приближающегося мужчину с овчаркой, их силуэты увеличились в несколько раз. Поравнявшись с ними, он вежливо спрашивает по-английски, далеко ли отсюда до мыса Гренен, и мужчина вдруг показывает рукой в противоположную сторону. «Пять, — говорит мужчина. — Пять километров. Только вон туда, в другую сторону. Там маяк, вы увидите его издалека».

Получается, он все утро шел не туда. Это значит, прошел несколько лишних километров. Для него это серьезная проблема, он не привык столько ходить пешком, а как здесь вызвать такси, он не знает и не хочет сейчас в этом разбираться. Он привык везде ездить на машине, от пройденных километров болит спина. Он выбирает место, где песок лежит плотнее, и распластывается на нем, удовлетворенно слыша, как похрустывают встающие на место позвонки. На берег рядом с ним выбрасывает тушу мертвого тюленя, несколько секунд они лежат рядом, мертвый зверь и живой человек, потом новая волна подхватывает тюленя и несет вдоль берега — в противоположную от мыса сторону.

Он не хочет больше идти по песку. Поднявшись на ноги и отряхнувшись, он выходит на проселочную дорогу. От нее отходят в разные стороны дорожки поменьше, крепкие, высушенные солнцем. Он надевает ботинки и идет по одной из них, неважно куда,

лишь бы подальше от моря, от берега, оказавшегося на поверку тренажерным залом. Здесь, между низкими деревьями хвойных пород и кустарниками, шагает несравнимо легче. Тропинка ныряет в ложбины и поднимается на небольшие холмы. Через четверть часа он оказывается перед маленькой белой церковью, стоящей на песке. Название написано по-датски и по-английски, английский вариант вызывает у него удивление. «Погребенная церковь». Он не уверен, что правильно понял. Может, церковь, в которой кого-то погребают? Захоранивают определенных людей? Он заходит внутрь, и там, в приятной прохладе, неожиданно обнаруживается молодой человек, продающий билеты. Заплатив двадцать крон, можно подняться наверх и осмотреть окрестности. Несмотря на гудящие от усталости ноги, он расплачивается и поднимается по невероятно узкой винтовой лестнице. Она невысокая, но узкая настолько, что его тело буквально заполняет пространство полностью. Согнувшись почти вдвое и вцепившись в натянутый канат, заменяющий поручни, он преодолевает несколько десятков ступеней, проклиная себя за то, что вообще сюда полез.

Выбравшись наверх, он распрямляется и оказывается словно на большом чердаке. Повсюду деревянные балки, окрашенные пометом ласточек. Птички посвистывают, влетая и вылетая через незастекленные окна. Наверху, под самой крышей, у них гнезда. Кое-где вырезаны имена. Особенно выделяется одно — буквы врезались глубоко в дерево. «Хир воз Майк». У него сначала проскальзывает неприязнь к этому Майку, но она быстро сменяется добродушной усмешкой.